

УДК 821.161.1:82-94

МЕМУАРЫ В.КАВЕРИНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ СИТУАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

© М.А.Михайлова

В статье рассмотрена динамика мемуарной прозы В.Каверина, а именно: от вынужденной сдержанности работы «Несколько лет» («Новый мир», 1966) к максимальной субъективной правдивости одной из финальных книг «Эпилог» (1989). Анализируются способы выражения авторской точки зрения на социально-политические и литературные проблемы, существовавшие в России в XX веке. Рассматривается вопрос об «искренности в литературе» и его решение в конкретных произведениях.

Ключевые слова: Вениамин Каверин, мемуары, Новый мир, искренность, оттепель.

В.Каверин вошел в литературу в эпоху модернизма, который явился его первой и главной творческой школой. В конце жизни, когда в литературе утвердился постмодернизм, творчество Каверина стало одним из звеньев, связавшим в читательском сознании два литературных полюса XX века. В этом смысле его имя органично входит в ряд таких писателей-долгожителей, как Л.Леонов или В.Катаев, которые своим творчеством «испытывали на прочность» различные художественные парадигмы: от модернизма до соцреализма, от реалистического письма до элементов постмодернистского конструирования реальности («мовизм» Катаева) и «плохопись» (термин Е.К.Созиной) философского характера (Л.Леонов).

Разнонаправленность художественных векторов провоцировалась как индивидуальными качествами таланта писателя, так и социальной, полной противоречий и катастроф действительностью. В.Каверин стал свидетелем революции, сталинского Большого террора, участвовал в Великой Отечественной войне, активно работал в эпоху «оттепели», «застоя» и «перестройки».

На протяжении жизни с развитием индивидуальных творческих взглядов, в процессе государственных и общественных трансформаций претерпевает изменения и собственно стилевая манера письма В.Каверина, что находит подтверждение не только в его художественных произведениях, но и в мемуарных текстах.

Одним из них является мемуарный фрагмент «Несколько лет», опубликованный в №11 журнала «Новый мир» в 1966 году. Как предуведомляет автор, заметки сделаны по просьбе редакции журнала «написать о впечатлениях, связанных с Первым съездом писателей» [1: 132]. Журнал, внимательно относящийся к фактам литературной жизни страны, не мог не обратить внима-

ния своего читателя на своеобразную веху – более сорока лет существования Союза писателей СССР, издание полной Стенограммы которого было изъято из-за множества имен государственных и культурных деятелей, репрессированных вскоре после съезда. Таким образом, заказанные «Несколько лет» должны были дать Первый съезд глазами опытного писателя, и, что особенно важно для журнала, писателя-свидетеля события. Представленный журналу текст В.Каверина разделен на 15 главок, но самому съезду посвящена лишь одна из них. Что же заставило журнал все же опубликовать «не выполнившего заказ» писателя?

Четко означенная в самой работе хронология противостоит временной неопределенности «нескольких лет» – это время с начала двадцатых по 1934 год, год проведения Первого съезда. Небольшому по объему мемуарному фрагменту свойственна своеобразная рамочная композиция, в которую заключена потаенная (открытая только в позднем мемуарном тексте «Эпилог»), не сразу считываемая мысль автора о качественном изменении времени в эти «несколько лет». Двадцатые годы – время иллюзии свободы, и ключевой фигурой воспоминаний становится Маяковский, встречи с которым относятся к 1920-1928 годам. Автор рассказывает о поэтических вечерах Маяковского, которые он почти не пропускал на протяжении восьми лет. Маяковский, загадочный, великий, одинокий, предстает перед Кавериним и читателем его воспоминаний: «Все было неожиданно в нем. И то, что он нарочно перепутал Когана и Айхенвальда, сидевших друг против друга на эстраде и споривших о назначении литературы. И его голос, и рост. И обманчивая непроницаемость. И меткость его остроумия. И его погруженность в поэзию – легко было догадаться, как много он думает и говорит о ней. И

отчетливое ощущение, что его стихи должны быть произнесены, что без голоса, без произношения они в какой-то мере будут напоминать нотные знаки. И боязнь непонимания, которое он переносил тогда еще терпеливо» [1: 136].

Всю пятую главку пронизывает глубокое личное чувство – сожаление о том, что молодому начинающему литератору так и не удалось поговорить с поэтом: «Мне хотелось поговорить с ним. Мешала застенчивость. Но однажды я все-таки решился... В перерыве я осторожно прошел мимо администратора, не сомневаясь в том, что толпа слушателей ринулась к Маяковскому, едва он сошел с эстрады. Толпы не было. Между горками сложенных попитров, насвистывая «Чижика», мрачно шагал Маяковский. Отступив за колонну, я с бьющимся сердцем долго смотрел на него. Мне удавалось преодолеть застенчивость, если в этом была острая, настоятельная необходимость... Но другое чувство приковало меня к месту в эту минуту. Я был поражен одиночеством Маяковского, его полной закрытостью, в которой чувствовалось лихорадочное возбуждение. Невозможно было узнать в нем уверенно державшегося знаменитого человека... Я так и не подошел к нему» [1: 139]. «Новому миру» не могла не импонировать та решительная корректировка образа «горлана и главаря», интенсивно культивированная официозом, которую проделал В.Каверин своими лаконичными, но вызывающими доверие записями.

Завершается «Несколько лет» 1934 годом, созовом и работой Первого съезда союза писателей СССР, в описании которого сквозит субъективная сдержанность, не исключающая максимально допустимую для «оттепели» объективную правдивость.

Между этими событиями – «несколько лет», которые формировали Каверина как писателя уже советской литературы и лояльного гражданина. В 1930 году Каверин побывал в Магнитогорске, где шло строительство нового комбината. Этому важнейшему событию в жизни Каверина посвящена небольшая главка «Нескольких лет». О самом строительстве не говорится. В статье штрихами обрисован Магнитогорск и переданы авторские впечатления «размаха, лихорадочного напряжения, острой новизны» [2: 110] от строительства в этом городе. Действуют некоторые характерные приемы производственного романа: автор предстает как чужой человек, который пребывает первоначально в недоумении, позже – в восхищении от увиденного. Ошутима этическая аскеза («для счастья будущих поколений») в описании «трудового энтузиазма» строителей социализма. Развертывается оптимистическая

перспектива: так, живописуется приезд трехсот девочек и мальчиков в Магнитогорск и закладка родильного дома. Характерен и финал для такого типа произведений: «Как в первый день творенья, все дымилось, сталкивалось, клочковато укладывалось, поражая непривычной реальностью и предвещая еще бог весть какие муки и радости рождений и потрясений» [1: 148].

Но там, где соцреализм теряет силу своего эпитета, появляются бытовые подробности жизни рабочих: «Было очень жарко, и рабочие, спасаясь от духоты и клопов, спали не в бараках, а под окнами, подле рукомоишников, где попало» [1: 147]. Автор создает портреты, не вписывающиеся в систему героев-строителей социализма: «Молодой инженер повесился, потому что его бригаде не удалось выполнить какую-то важную долю работы в строительстве домны. Накануне я случайно познакомился с ним, и он только сумрачно усмехнулся, услышав, что мне нравится изобретение местной газеты, которая вместо общепринятого календаря стала вести счет дней, оставшихся до пуска домны» [1: 148]. «Я разговаривал с одним хозяином..., и он вдруг сказал, метнув быстрый, острый злобный взгляд в сторону строившегося комбината: “На глиняных ногах”» [1: 148].

Поездка в Магнитогорск, которая могла бы стать основой любой книги советской официальной литературы (от путевых заметок до романа социалистического строительства) не нашла художественного воплощения ни в одном из последующих произведений Каверина. Коротенькая главка в «Несколько лет» дает весьма сдержанный образ этого путешествия, в действительности очень значимого для автора.

Еще в 1953 году в «Новом мире» В.Померанцев требовал от литераторов: «Писатели не только могут, а обязаны отбросить все приемы, приемчики, способы обхода противоречивых и трудных вопросов» [3: 220], «... партия ждет от писателей не шараханья, а правды в литературе» [3: 238]. Однако на практике даже в эпоху «оттепели» это было невозможно для подцензурной литературы, что, конечно, чувствовал и понимал Каверин. На протяжении нескольких десятков лет он стремился дать правдивый портрет эпохи в таких мемуарных произведениях, как «За рабочим столом» (1965) [4], «Несколько лет» (1966), «В старом доме» (1971), «Вечерний день» (1978) [5]. И в полной мере это удалось осуществить в книге «Эпилог», опубликованной в №6 журнала «Нева» за 1989 год.

Так, в «Эпилоге» поездка в Магнитогорск теряет прежний восторженный пафос и предстает в несколько шокирующем в своей обнаженной

правде виде. Каверин дополняет рассказ раскрытием самих обстоятельств поездки и причин, заставивших его недоговорить о многом в журнальной публикации «Несколько лет».

Автор дает развернутый комментарий на давнюю публикацию: «Впечатление размаха, лихорадочного напряжения, острой новизны – все это было. Неясно, приблизительно была изображена другая сторона поездки: мое настоятельное стремление узнать и понять – что же, наконец, происходит в стране. Наивное стремление! То, что в действительности происходило в стране, мы узнали через сорок лет, а в ту пору наше неведение было всепроникающей особенностью жизни, заставлявшей нас (по крайней мере, меня) в 1929-1931 годах голосовать “за”» [4: 109-110].

В «Эпилоге», по сравнению с публикацией «Нового мира», появляются дополнительные сцены, дающие более жесткое и, видимо, более реалистичное представление о жизни рабочих в Магнитогорске: «... по будущему городу бродили, спотыкаясь, умирающие от голода, мертвенно-бледные женщины... – жены или вдовы кулаков, работавших на стройках или тоже умиравших где попало. Кладбище росло скорее, чем комбинат» [4: 110]. «В наскоро построенных бараках жить было невозможно – клопы сыпались с потолков, покрывали стены. Рабочие спали на земле, подле бараков. Километрах в пяти-шести в своем поселке (кажется, он назывался Березки) жили иностранцы, приехавшие на строительство в своих машинах – энергичные, моложавые, бодрые. Неравенство между жизнью в березках и на строительстве было, мало сказать, оскорбительным – оно говорило о рабском отсутствии достоинства, о самооплевывании, совершавшемся согласно существующим директивам. Дух напряженного подчинения господствовал в каждом слове» [4: 111].

Но самое главное, о чем не упомянул Каверин в 1966 году, было данное ему рекомендательное письмо, адресованное Мандельштаму (однофамильцу поэта) – первому секретарю комсомольской организации Магнитогорска. По приезду выяснилось, что Мандельштам был недавно арестован как враг народа. Сам Каверин чудом избежал ареста.

«Эпилог», вышедший в конце восьмидесятых годов, – это мемуары писателя, не сдавленного идеологическими рамками и социальным прессом. Книга охватывает полвека – с начала двадцатых по начало семидесятых годов, снабжена необходимыми документами, подтверждающими обличительный пафос текста. В ней републикуются абсурдные уничтожающие статьи советских критиков на произведения В.Каверина

(«Под флагом буржуазного реставраторства»), М.Зоценко, Л.Добычина («Позорная книга»), Д.Шостаковича («Сумбур вместо музыки»). А также приводится «Письмо к советскому правительству Михаила Булгакова» 1930 года, в котором писатель просит приказать ему «в срочном порядке покинуть пределы СССР» [4: 506], Постановление президиума правления СП СССР о лишении Б.Пастернака звания советского писателя – официальный документ, наполненный гневными выпадами против человека с мировым именем («Литературная деятельность Пастернака давно иссякла в эгоцентрическом затворничестве... «Доктор Живаго»... обнаруживает только непомерное самомнение автора при нищете мысли, является воплем перепуганного обывателя...» [4: 538]), а также составленный по данным Краткой литературной энциклопедии список делегатов Первого съезда советских писателей, которые были подвергнуты репрессиям в годы сталинского террора,

Несмотря на то что «Несколько лет» написаны в эпоху «оттепели», одни и те же события в этой работе и в более позднем «Эпилоге» предстают по-разному. Разница состоит не только в фактической стороне повествования, а в оформлении, наполнении и стилистике.

Как мы помним, основная задача Каверина при подготовке мемуарного фрагмента в журнал «Новый мир» заключалась в том, чтобы написать о впечатлениях, связанных с Первым съездом писателей. Однако повествование об этом событии – это скорее публицистический очерк, или даже черновик очерка, где некоторые слова или выражения сокращены. Автор старается быть искренним и писать правдиво, но под давлением «внутреннего редактора» вынужден прибегать к недоговоренностям или двусмысленностям: «Десятки писателей, слушавших речь Горького, были связаны с ним прямо или отраженно, и не только передо мной нарисовался в этот день смысловой контур этих отношений» [1: 154]. Автор не комментирует это высказывание. Выступление Горького на съезде пересказано очень кратко. И только через двадцать лет в книге «Эпилог» Каверин смог прописать то, что действительно взволновало его и присутствующих на съезде, и какие последствия имел доклад Горького для русского литературоведения и литературной критики: «В длинной речи Горького на съезде общее внимание было привлечено нападением на Достоевского. Мысль, с которой Алексей Максимович возился десятилетиями, была основана на его беспредметной ненависти к самой идее «страдания»: «С торжеством ненасытного мстителя за свои личные невзгоды и страдания,

за увлечения своей юности Достоевский... показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX-XX столетий» (I съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934)» [4: 190].

В «Эпилоге» Каверин с горечью пишет: «Может быть, Горький был бы осторожнее, если бы он мог представить себе, какие постыдные последствия будут вызваны его нападением на Достоевского. С его тяжелой руки Достоевского стали травить в истории литературы. Его объявили прямым союзником Гитлера, вдохновителем фашизма. Вслед за Шкловским его стали называть изменником все кому не лень. Его забыли бы, если бы это было возможно. Отрекаться от национального гения у нас – не новость, но, кажется, еще никогда это не было сделано так основательно, прочно, надолго» [4: 193].

В 1966 году в «Новом мире» Каверин, рассказывая о Первом съезде, обронил интригующую фразу: «Хочется еще рассказать о том, как размеренный, официальный характер его (съезда – М.М.) переломился во второй половине. Этот перелом был не только замечен, но подхвачен, точно все только и ждали, когда же кончатся наконец доклады и приветствия» [1: 156]. Но он так и не развил свою мысль, перейдя к другому предмету.

Под переломом Каверин имел в виду доклад одного партийного деятеля, непосредственно посвященный литературе: «... он первый заговорил не только о поэзии, но о поэтике, живых особенностях литературного дела, о спорах писателя с самим собой, о его направлении. Его поддержали все, кто говорил о поэзии...» [4: 201]. Докладчиком был Н.И.Бухарин, в 1937 году расстрелянный по делу «Антисоветского правотроцкистского блока». В 1966 году Каверину не представлялось возможным не только говорить об этом важном докладе, но и упоминать имя докладчика. Лишь в «Эпилоге» названо имя человека, речь которого была свежей струей в этом «меро-

приятии чисто административном» [4: 197]: «Доклад Н.И.Бухарина был обращен к профессиональной литературе, и она отозвалась горячо, искренне, без оглядки» [4: 198]. Бухарин настаивал на многообразии направлений, предостерегал от бюрократизации поэтического творчества. Его опасения оправдались, когда впоследствии литература зашла «в тупик так называемого социального заказа» [4: 199].

Каверин выполнил просьбу «Нового мира» написать о своих впечатлениях о Первом съезде писателей в полной мере лишь в книге «Эпилог», опубликованной в 1989 году. Сделать это в 1966 году, еще не освободившись от «внутреннего редактора», не ища компромисса со своей совестью, было невозможно.

Как писал В.Померанцев в знаменитой статье «Об искренности в литературе» (которая стала одной из причин разгона «Нового мира» А.Твардовского «первого захода», т.е. в 1950 – 1954 гг.): «...полная искренность – задача, которую каждый писатель должен разрешать сам для себя» [5: 220]. В.Каверин умело разрешил эту задачу, на страницах «Нового мира» осторожно приподняв тот занавес, которым был закрыт от широкой общественности подлинный литературный мир в Советском Союзе; и, наконец, в «Эпилоге», ответил на те самые «трудные вопросы», которые десятилетиями стояли перед советским читателем, и создал целую панораму общественной, научной и культурной жизни России XX века.

1. Каверин В. Несколько лет // Новый мир. – 1966. – № 11. – С. 132 – 158.
2. Каверин В. Эпилог. – М.: Вагриус, 2006. – 571 с.
3. Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. – 1953. – № 12. – С. 218 – 245.
4. Каверин В. За рабочим столом // Новый мир. – 1965. – № 9. – С. 151 – 168.
5. Каверин В. Вечерний день. – М.: Советский писатель, 1982. – 560 с.

V.KAVERIN'S MEMOIRS IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL AND LITERARY SITUATION IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

M.Mikhailova

The article explores the dynamics of V.Kaverin's memoirs, namely: from the forced restraint of *A Few Years* (*New World*, 1966) to a maximum subjective truthfulness in his final book *Epilogue* (1989). The author analyzes the ways of expressing the memoirist's point of view on socio-political and literary problems of Russia in the 20th century, and examines the issue of "sincerity in literature" and its solution in particular works.

Key words: Veniamin Kaverin, memoirs, *New World*, sincerity, the Thaw.

1. *Kaverin V. Neskol'ko let // Novyy mir. – 1966. – №11. – S. 132 – 158. (In Russian)*
2. *Kaverin V. Epilog. – M.: Vagrius, 2006. – 571 s. (In Russian)*
3. *Pomerantsev V. Ob iskrennosti v literature // Novyy mir. – 1953. – № 12. – S. 218 – 245. (In Russian)*
4. *Kaverin V. Za rabochim stolom // Novyy mir. – 1965. – № 9. – S. 151 – 168. (In Russian)*
5. *Kaverin V. Vecherniy den'. – M.: Sovetskiy pisatel', 1982. – 560 s. (In Russian)*

Михайлова Мария Андреевна – аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, департамент «Филологический факультет».

620142, Россия, Екатеринбург, ул. Большакова, 71.
E-mail: miass_filolog@mail.ru

Mikhailova Maria Andreevna – graduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Department “Faculty of Philology”.

71 Bolshakov Str., Ekaterinburg, 620142, Russia
E-mail: miass_filolog@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.2014